

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРЫ МЭРИИ Г. ЧЕРЕПОВЦА

ВЕК И ВЕЧНОСТЬ:

*Марина Цветаева
и поэты XX века*

Сборник научных работ

Выпуск I

РА 1326377
Череповец
2002

ставляется одно из самых ранних стихотворений М. Цветаевой: «...Уж ветер стелется уже земля в росе, / Уж скоро звездная в небе застынет вьюга, / И под землю скоро уснем мы все, Кто на земле не давали уснуть друг другу» (1; 245). Все, кто с неба звезд не хватал и кто хватать пытался, – все уравниваются в этих строчках.

¹ *Рождественский Вс.* Марина Цветаева. Предисловие к сб.: Марина Цветаева. Соч. в 2-х тт. М., 1980. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ См.: *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. С. 17.

⁴ *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. С. 177. М.: Эллис Лак, 1994–1997. Далее в скобках указывается номер тома и страница.

⁵ *Словарь русского языка в 4-х тт.* / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. С. 422. М., 1982.

Яцкевич Л.Г.

ОСЕВОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ И Н.А. КЛЮЕВА

1. В данной статье предлагается новый подход к исследованию лингвопоэтической категории художественного времени. Он базируется на понятии «поэтическое осевое пространство и время». Как философская категория, «осевое время» было разработано К. Ясперсом в книге «Смысл и назначение истории» (1949).¹ По его мнению, ось мировой истории «следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть; где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным <...> что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости».² Это время он на-

звал «осевым» и отнес к периоду «около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э.».³ С осевым временем соотносит он и осевое пространство, на котором зародились все мировые религии. Это Terra Sakra – территория «от Нила до Ганга, от Египта до Тибета, это пространство, на котором осуществлялся генезис мировых религий».⁴

Предложенное К. Ясперсом понятие осевого времени выражало дух западноевропейской философии культуры. В русской философии этому понятию в каком-то смысле соответствуют национальные идеи о *всеединстве* и *почве*, как органических источниках культурной жизни и истории человечества.

Лингвопоэтическая категория осевого пространства и времени имеет *семиотическую структуру*, предполагающую план содержания (означаемое) и план выражения (означающее). В *плане содержания* этой категории отражается поэтическая концепция пространства и времени – их осмысление в образах конкретным автором. Поэтическое осевое время и пространство – это тот концептуальный центр, исток, из которого разворачивается органическое единство пространственно-временных образов в творчестве поэта. *План выражения* категории осевого пространства и времени представлен системой имен собственных, символов, мифологем, темпоральных и пространственных метафор.

Таким образом, с помощью лингвопоэтической категории осевого пространства и времени можно проводить сравнительно-типологическое исследование творчества различных поэтов. В данной работе в указанном аспекте рассматривается творчество М.И. Цветаевой и Н.А. Клюева.

II. *Планы содержания* категории поэтического осевого пространства и времени значительно различаются у данных поэтов. У М. Цветаевой концепт осевого пространства и времени *эгоцентричен* – это пространство и время души поэта – лирического героя. Е.В. Титова отмечает три основных направления цветаевской мысли: «1) душа и тело, 2) душа и

пространство (время), 3) душа и смерть».⁵ М. Цветаева так пишет о своем осевом пространстве: «Дом в *сердце* моем», «Душу свою я сделала своим домом, но никогда дом – душой <...> Душа в доме, душа – дом, для меня немислимость (здесь и далее курсив наш. – Л.Я.).⁶ А вот ее осевое время: 1) «Час ученичества! Но зрим и ведом / Другой нам свет, – еще заря зажглась. / Благословен ему грядущий следом. / Ты – *одиночества верховный час!*» (2; 13); 2) «Ибо *мимо* родилась / *Времени!* Вотще и всеу / Ратуешь! Калиф на час: / *Время!* Я тебя миную» (2; 197); 3) «Все признаки с меня, все меты, / Все даты – как рукой сняло: / *Душа родившаяся – где-то*» (2; 315). Осевое время своей «вечной души» М. Цветаева противопоставляет обманчивому времени земного существования: «Минута: минуца: минешь! / Так мимо же и страсть и друг! <...> Минута: меряца! Малость / Обмеривающая, слышь: / То никогда не начиналось, / Что кончилось. Так лги ж, так льсти ж / Другим <...> Кто ты, чтоб море / Разменивать? Водораздел / Души живой? О мель, о мелочь!» (2; 217).

Осевое пространство и время в творчестве Н.А. Клюева *этноцентрично*. Оно связано с представлением о христианском идеале России в русском национальном сознании – со *Святой Русью*: «Солетайтесь белы кречеты на пир, / На честное рукобитие да мир! Буй – Тур Всеволод и Темный Василько, С самогудами Чурило и Садко, Александр Златокольчужный, Невский страж, / И Микулушка – кормилец верный наш, Радонежские Ослябя, Пересвет, – / Стяги светлые столетий и побед! / Не забыты вы народной глубиной, / ваши облики схоронены избой, / Смольным бором, голубым березняком, / Призакрыты алым девичьим платком!..»⁸ Вместе с тем осевое пространство и время Н.А. Клюева не замыкается в национальной истории, а через нее соотносится с осевым временем и пространством мировой истории: «Но это было! / Было! / Было! / Порукой лик нездешней силы – / Владимирская Божья Мать! / В ее очах Коринфа злать, / Мемфис и пурпур Финикин / Сквозят берестою России / И

нежной просинью Вифезды» (С. 22).

Несмотря на поразительное различие осевого времени и пространства у М.И. Цветаевой и Н.А. Клюева, эта лингвопоэтическая категория имеет и общий концепт, связанный с общей аксиологической установкой на вечность, на неприятие временного, лживого, низменного настоящего момента. Ср.: У М. Цветаевой: 1) «...жизнь, про которую знаем все мы: / Сброд – рынок – барак» (3; 27); 2) «И покамест – счета – кипами, / И покамест – сердца – хрипами, / Закипание – до – кипени / двух вспененных – крепись – крыл. / Там, над вашей игрой – крупного, / (Между трупами – и – куклами!). Не общупана, не куплена, / Польшая и пляша – / Шестикрылая, радушная, / Между мнимыми – ниц! – сущая, / Не задушена вашими тушами, / Ду-ша!» (2; 163). У Н. Клюева: 1) «Божьих садов и обителей много, / Здесь же ночлежка, свирепый трактир... / Где же пути, золотая дорога / В юнорумяный неблекнувший мир? (С. 255); 2) «Недоуменно не кори, / Что мало радио-зари / В моих стихах – бетона, чаек, / Что о мужицком хлебном рае / Я нудным оводом бубню / Иль костромским сосновым звоном!» (С. 451).

Однако вечность как концепт осевого пространства – времени у М. Цветаевой и Н. Клюева понимаются по-разному: у одной – это вечный полет одинокой души, у другого – «Нерукотворная Россия», «мужицкий рай».

III. План выражения осевого пространства и времени у М.И. Цветаевой и Н.А. Клюева при сравнительно-типологическом рассмотрении также обнаруживает черты различия и сходства. Рассмотрим некоторые из них. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие у обоих поэтов сложной системы имен собственных (ИС), обозначающих этнокультурные и историсофские концепты.

По нашим наблюдениям, ИС в творчестве Н.А. Клюева соотносительны со следующими историко-культурными зонами (ИКЗ): 1) Поморье, Олонецкий край, Русский Север; 2) Древняя Русь; 3) старообрядчество; 4) общерусская православная ИКЗ; 5) славянство; 6) скандинавская и финно-угорская ИКЗ,

7) Сибирь; 8) Великая Степь, татаро-монгольская ИКЗ; 9) Кавказ; 10) Византийская ИКЗ; 11) Древний Египет; 12) Индоиранская ИКЗ; 13) мусульманский восток; 14) Индокитай; 15) Африка; 16) Западная Европа; 17) Америка; 18) Австралия. У М.И. Цветаевой некоторые из этих ИКЗ почти отсутствуют, например, Поморье, Олонецкий край, Русский Север, старообрядчество, Скандинавская и финно-угорская ИКЗ. У Н.А. Клюева ИС именно этих ИКЗ, наряду с Библейской, Византийской, древнерусской и общерусской православной ИКЗ служат средством репрезентации осевого пространства и времени: 1) «Низкая деревенская изба, – Лен с берестой и с воском солома. / Здесь все стоит за Царя / Из Давидова красного дома» (С. 359); 2) «От Лаче-озера до Выга / Бродяжил я тропой опасной, <...>» (С. 624); 3) «Эти глубь Онега, / Плеск войны палеостровской, <...>» (С. 701); 4) «Ах, звезды Поморья, двенадцатый век / Вас черпал иконой обильнее рек» (С. 704).

Зато у М.И. Цветаевой гораздо многочисленнее и частотнее ИС, обозначающие ИКЗ Древней Греции и Рима, Западной Европы, Славянства, и менее представлены ИС, связанные с восточными ИКЗ: Индо-иранской ИКЗ, мусульманским востоком, Индокитаем. Думается, что указанные различия в составе ИС обусловлены не столько особенностями жизненного пути поэтов (жизнь на Русском Севере Н. Клюева и эмиграция М. Цветаевой), сколько спецификой их поэтического понимания осевого пространства и времени. Даже те имена собственные, которые встречаются у того и другого, имеют в их творчестве различные концептуально-символические значения. Например, часто употребляемая Н. Клюевым и М. Цветаевой ветхозаветная и новозаветная ономастика имеет у них различные функции, так как представляет у М. Цветаевой эгоцентрическое, а у Н. Клюева – этноцентрическое понимание осевого пространства и времени. Сравните, например, образ Адама в стихотворном цикле «Ученик» и стихотворении «Первое солнце» М. Цветаевой (1921 г.) и стихотворениях Н. Клюева, написанных в первые после революции

года, «Красный Адам» и др. М. Цветаева: «О первое солнце над первым лбом! И эти – на солнце прямо – Дымящие – черным двойным жерлом Большие глаза Адама. / О первая радость, о первый яд / Змеинный – под грудью левой! В высокое небо вперенный взгляд: / Адам, проглядевший Еву! <...>» (2; 20). Н. Клюев: «Была разлука с Единым, / На Горе гор, у реки животной, / Где под радужным говорящим Крином / Реяли духи, как пух болотный. / На крине солнце – ястреб небесный, / Устилало гнездо облачным пухом <...> Ефратная Русь в черемисском совдепе, / В матросской цигарке Аравии зной! / За смертного бурей наш якорь зацепит / Коралловый город с алмазной стеной. / С урочным отплытием на якорных лапах, / Раскинет базары поддонный Харран... Плывет от Олонца смоковничий запах, / Устюжский закат осыпает шафран. / Я отпрыск Адама, в оконной папаче, Улыбчивой твари даю имена...» (С. 424–425).

Аксиологическая оценка некоторых топонимов-мифологем у М. Цветаевой и Н. Клюева антонимичны. Так, если у Клюева Китеж является одним из основных знаков осевого пространства – времени («Китеж-град, ладан Саровских сосен – / Вот наш рай вожделенный родной» (С. 353), то у М. Цветаевой нечто противоположное: «...Поверх старых вер, / Новых навыков, / В завтра, Русь, – поверх / Внуков – к правнукам! / (Мертвых Китежей / Что нам – пастбища?) / Возлюбите! / Не родилась еще!» (2;....). Антонимические коннотации возникают и при употреблении поэтами топонима «Индия».

Образы настоящего, прошлого и будущего, осмысленные относительно поэтического осевого пространства – времени, у Цветаевой и Клюева концептуально различны. У М. Цветаевой будущее, включенное в осевое время, актуализируется в поэтическом настоящем. У Н. Клюева прошлое, включенное в осевое время, актуализируется в настоящем и будущем. В плане выражения осевого пространства – времени у М. Цветаевой наблюдается европоцентризм, соответствующий эгоцентризму плана содержания, а у Н. Клюева – индоцентризм,

соответствующий этноцентризму плана содержания.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

² Ясперс К. Указ. раб. С. 32.

³ Там же.

⁴ Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999. С. 42.

⁵ Титова Е.В. «Преображенный быт». Вологда, 2001. С. 58.

⁶ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Эллис Лак, 1994–1997. С. 58. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы.

⁷ Яцкевич Л.Г. Поэтическая география Н.А. Клюева // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 154–195.

⁸ Здесь и далее цитируется по изданию: Клюев Николай. Сердце единого. Стихотворения и поэмы. С.-Петербург, 1999. С. 341–342. Далее в тексте даются номера страниц.

Маслова В.А.

КОНЦЕПТОСФЕРА ЦВЕТА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М. ЦВЕТАЕВОЙ

Цвет и Цветаева! Если помнить слова великого поэта, что «созвучья слова не случайны...», то этому аспекту в ее творчестве следует придавать особое значение: изучение принципов функционирования цвета как одного из видов словесных образов особенно интересно, ведь цветовое видение – важная особенность восприятия мира, передать красоту и разнообразие которого как раз и помогает цвет. Кроме того, как говорил Л. Витгенштейн: «Цвет побуждает нас философствовать».

Проблема цвета занимает ученых в самых разных областях знания. Последние исследования в этой области показывают, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет,